
СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.324

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДЕФОРМАЦИИ
В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА***Л.В. Логинова*

Рассматриваются тенденции и противоречия развития социальной сферы российского общества, раскрываются значение и место социальной сферы в инновационном развитии человеческого потенциала общества, предлагаются направления совершенствования социальной политики российского государства.

Ключевые слова: социальная сфера; средний класс; дифференциация доходов; социальное расслоение; социальные услуги; социальная политика.

Создание эффективного социального государства предполагает повышение благосостояния общества, улучшение условий хозяйственной и социокультурной деятельности, планомерный переход к высокоразвитому обществу. Между тем в России действующая социально-экономическая система далеко не полностью отвечает интересам общества ввиду недостаточного роста реальных доходов и уровня жизни, а также углубления дифференциации доходов населения. Данные обстоятельства усугубляются явлениями мирового экономического кризиса, охватившими и российскую экономику. Все большая часть российского общества выражает недовольство социальной ситуацией в стране. Это связано с тем, что для социальной сферы России характерен ряд деформаций, обуславливающих конфликт интересов как в системе «богатые–бедные», так и в триаде «общество–государство–бизнес». Выделим данные деформации.

Первый тип деформации — деформация структуры российского общества, обусловленная чрезмерно высокой степенью социального расслоения. В экономически развитых странах структура общества по уровню доходов предполагает, что наибольшую его часть составляет средний класс, получающий средние доходы, а доля населения с очень низкими и очень высо-

кими доходами мала (на графике получается так называемый «холм» доходов). В России такого среднего класса практически нет, и на графике вместо одного холма доходов видна структура с двумя «холмами». При этом уровень развития российского среднего класса значительно ниже по сравнению со средним классом развитых стран и не только по материальному благосостоянию, но и по уровню образования и культуры. Если учитывать западные стандарты, то в России около 80% населения является бедными и только 5% богатыми (долларовые миллиардеры). Социологические исследования показывают, что только 2,4% опрошенных людей оценивают свой уровень материального положения как высокий (материальных затруднений нет). К категории людей со сравнительно высоким уровнем материального положения относят себя 16,6%, хотя и им некоторые покупки не по карману. Средним свой уровень доходов считают 56,9% респондентов. При этом у них денег хватает только лишь на основные продукты и одежду. У 15,2% опрошенных граждан денег не хватает даже на продукты и одежду [18, с. 11].

По данным официальной статистики, число бедных граждан в нашей стране составляет почти 23 млн чел. [24, с. 50]. По информации Всероссийского центра уровня жизни в нашем

обществе в состоянии хронической бедности находятся более 40 млн человек [8, с. 50].

По данным Госкомстата РФ к концу 2009 г. 13% россиян находилось за чертой бедности [25]. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) относит к проживающим за чертой бедности 40% россиян, тогда как, например, израильтян — 20%, испанцев — 19,9%, а американцев — 12,3%. Среди Западноевропейских стран самые высокие показатели бедности демонстрируют Литва и Польша (21%), а самые низкие — Швеция и Чехия (9–10%) [10]. При этом российская бедность имеет свою специфику. В отличие от других стран, в России более 65% бедного населения — это трудоспособные граждане, а российские семьи с детьми подвержены наибольшему риску попадания в низкодоходную группу населения, сползания в низшую страту.

Деформация структуры российского общества связана со *вторым типом деформации* — деформацией структуры доходов и способов их образования. В структуре доходов россиян преобладают заработная плата (64,9%) и социальные выплаты (18,9%), а на другие виды доходов приходится незначительная доля: доля доходов от предпринимательской деятельности — 9,8%, доходов от собственности — 4,5% [24, с. 23].

Деформация структуры доходов населения обусловлена несправедливой системой начисления заработной платы и налогов, о чем свидетельствуют такие показатели, как индекс концентрации доходов (коэффициент Джини) и коэффициент фондов (соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения).

Показатели расслоения россиян — одни из самых высоких среди показателей экономически развитых стран. Например, в США индекс концентрации доходов составляет 0,408; Китае — 0,415; Великобритании — 0,360; Канаде — 0,326; Франции — 0,327; Германии — 0,283; Финляндии — 0,269; Дании — 0,247 [10]. В России данный показатель в 2010 г. составил 0,420, тогда как в 2006 г. — 0,410. Следовательно, дифференциация доходов в России нарастает.

О высокой степени несправедливости в распределении доходов свидетельствует и ко-

эффициент фондов, который в нашей стране составил в 2010 г. 16,5 раза [24, с. 24].

Усугубление проблемы неравенства в обществе наблюдается в динамике доходов от собственности, поскольку поступление наиболее высоких доходов на душу населения обеспечивает именно рост доходов от собственности, а не рост заработной платы. Анализ прироста доходов бедных и богатых в расчете на 100 руб. прироста ВВП на душу населения показывает, что бедные получают прирост на 5 руб., а богатые — на 200 руб., т.е. разница между богатыми и бедными составляет 40 раз [26, с. 54].

Система оплаты труда и налогов в обществе обуславливают возможности для эффективной и более полной реализации социального потенциала, состояние социально-трудовых отношений. Известно, что низкий размер заработной платы ограничивает возможности работающего населения по удовлетворению жизненных потребностей как личных, так и членов семьи (в сбалансированном, полноценном питании, приобретении товаров первой и не первой необходимости, жилья, услуг здравоохранения, образования, культуры). Как результат — падение качественных показателей социального потенциала (таких как семейное благополучие, уровень здоровья, образования, профессионализма). Но проблема заключается не только в низком уровне доходов основной массы россиян, но и в том, что закрепляется определенная модель жизни — «от зарплаты до зарплаты». Для данной части российского общества характерно привыкание к жизни на грани выживания, они не видят смысла бороться за свои права, ведут крайне пассивный образ жизни.

Для повышения благосостояния общества, сокращения бедности, обеспечения населения качественными социальными услугами в среднесрочной перспективе совокупные бюджетные расходы на душу населения в России намечено повысить. Но повышение расходов государства на социальные цели не приводит к адекватному росту уровня жизни населения вследствие сохранения прежнего механизма перераспределения доходов, а также увеличения тарифов на энергоносители, услуги ЖКХ, возрастающей стоимости медицинской помощи и образования, инфляции.

Рост доходов бедных слоев населения не решает проблему социального неравенства. В стране пока не институционализированы источники повышения доходов работающего населения. Зарплата остается для большинства россиян единственным источником дохода. Поэтому страх перед будущим из-за ситуации на работе испытывают часто более 16% работающего населения, а 39% испытывает его иногда [3, с. 23].

Все эти обстоятельства усугубляются глубокой социально-экономической дифференциацией регионов, обусловленной неравномерностью в доступе к финансовым ресурсам и соответственно возможностей в проведении местной социальной политики и обеспечении социальных гарантий местному населению. В этой связи уровни заработной платы работников бюджетной сферы, размеры тарифов в жилищно-коммунальной сфере существенно различаются по регионам (62 субъекта Федерации имеют дотационные бюджеты) [15, с. 105].

По расчетам социологов, если в Москве и Санкт-Петербурге нуждающимся является каждый четвертый житель, то уже в областных центрах — каждый третий, в малых городах — каждый второй, а на селе почти 65% жителей. Об этом свидетельствуют и данные на 2010 г. Центральной военно-врачебной комиссии Министерства обороны РФ, согласно которым ежегодно вследствие недоедания отсрочки от службы получают 50 тыс. призывников [1, с. 38]. Преобладающая часть призывников — это жители малых городов и сельской местности.

Социальные характеристики бюджетного института нельзя оценить положительно, так как рост расходов на ЖКХ, здравоохранение и образование обусловлен лишь необходимостью компенсации тех диспропорций, которые возникли в связи с недофинансированием территориальных бюджетов. Эти диспропорции существовали и раньше, но после передачи полномочий по исполнению данных функций на региональный и муниципальный уровни они усилились [16, с. 172].

Следовательно, в России произошла институционализация механизмов распределения доходов, действующих в пользу малочисленного богатого населения (10–20%). Таким образом, ущемляются интересы большинства (примерно

80% населения страны), что не отвечает интересам развития социального потенциала. Это свидетельствует о том, что фактически в современных условиях углубления неравенства на фоне финансового кризиса большинство общества, причем малоимущего, оплачивает «безответственное» поведение высокодоходной части населения, сконцентрированной прежде всего в финансовом секторе.

Разумеется, чрезмерная уравнивательность доходов в обществе является нежелательной, так как это уничтожает стимулы к более высокопроизводительному труду, снижая возможности для более полной реализации социального потенциала общества. Дифференциация оплаты труда является необходимым механизмом стимулирования трудовой активности, но в разумных пределах. При слишком высоком уровне неравенства в обществе нарастает чувство социальной несправедливости, происходит рост социальных возмущений [7, с. 183].

Чтобы не допускать этих крайностей, необходима сбалансированная, взвешенная государственная политика регулирования доходов. В западноевропейской практике удается сдерживать углубление неравенства благодаря перераспределению доходов в обществе. Например, во Франции с помощью политики перераспределения доходов удается снизить уровень бедности с 25 до 7%, а в Дании — с 17 до 4% [17, с. 54].

Растущая деформация структуры общества по доходам вызывает конфликтность интересов между разными группами людей в нашем обществе. Как острую и очень острую оценивают степень конфликтности между богатыми и бедными 50,2% респондентов [22]. Социологи отмечают, что особенно большое недовольство в обществе вызывает слишком глубокий разрыв в доходах между богатыми и бедными: 47% опрошенных россиян обеспокоены углублением неравенства. Причем замечено, что свое неодобрение выражают не только беднейшие слои населения, но и те, кто считаются обеспеченными (с ежемесячным душевым доходом свыше 10 тыс. руб.). Среди них около 70% выразили мнение, что дифференциация доходов в стране неоправданно велика. Проблемой нарастающего социального неравенства в различной степени обеспокоены до 90% тех, кто, будто

бы, должен от этого процесса выигрывать [2, с. 15].

На фоне деформации структуры российского общества и системы распределения доходов происходит снижение доступности качественных социальных услуг (здравоохранения, образования). В России расходы на социальные нужды составляют менее 40% всех расходов бюджета. Крайне низка доля расходов на здравоохранение — всего 5% в бюджете расширенного правительства, доля расходов на образование — около 8%. В 2006–2011 гг. произошло сокращение количества бюджетных мест в высших учебных заведениях на 15%. Министерство образования и науки РФ планирует дальнейшее сокращение бюджетных мест. При этом сокращается количество учреждений образования в целом по стране, а в сельской местности по сравнению с 1970-ми гг. их количество уменьшилось в два раза.

Между тем в экономически развитых странах мира проводится противоположная политика по расширению бесплатного образования. Так, в США бесплатно обучаются 85% детей; в Германии — 98% детей (родители оплачивают только стоимость учебников); в Японии с 2010 г. 12-летнее школьное обучение стало полностью бесплатным. В России же наблюдается коммерциализация не только вузовского образования, но и школьного обучения. Так, предполагается, что из средств бюджета будут финансироваться только дисциплины, включенные в образовательный стандарт. Хотя исследования показывают, что коммерциализация образования опасна для государства стагнацией [1, с. 37].

Таким образом, социально-экономические деформации российского общества снижают жизненные шансы малообеспеченных групп общества, так как «индивид из низших классов имеет меньше шансов на получение образования. В результате недостаточного образования он имеет недостаточные возможности для получения дохода. Последнее, в свою очередь, снижает его шансы на улучшение своей позиции в классовой системе и, что еще хуже, на то, чтобы дать адекватное образование своим детям» [6, с. 180].

Наблюдается отставание и по абсолютным значениям государственных расходов на душу населения в год. Например, на образование в

Дании выделяется 2738 долл. на душу населения в год, в Швеции — 2072, Австрии, Франции и Бельгии — около 1500, в Германии и Нидерландах — около 1300, в то время как в России — 220 долл. Расходы на социальную защиту в России составляют примерно 25% совокупных правительственных расходов и чуть больше 9% ВВП [11, с. 53].

Другой причиной усугубления положения в социальной сфере является несостоятельность программ реформирования в здравоохранении, в образовании и науке, ЖКХ. При этом подходы к реформированию продолжают оставаться предметом острых дискуссий. Надо признать, что национальные проекты не дают ожидаемых улучшений, что теперь списывается на кризис. Действительно, «за последние два десятилетия успешно не решена ни одна заявленная государством реформа» [4, с. 96]. Многократные попытки последних лет за счет государственного финансирования проектов по разработке инновационных технологий обеспечить рост производительности труда пока не дали положительного результата. В современной России в условиях инфляции, расширения платных услуг со стороны здравоохранения, образования, размер зарплаты остается на уровне, который не обеспечивает даже простого воспроизводства трудовых ресурсов.

Третий тип деформаций наблюдается в области обеспечения населения услугами учреждений культуры и отдыха. Одновременно со снижением доходов населения, ростом стоимости услуг учреждений культуры и отдыха происходит уменьшение их доступности для основной массы россиян. Расходы населения на товары не первой необходимости, отдых и культуру неуклонно снижаются, уменьшается и воспитательное влияние культурной сферы на молодое поколение. За последние два десятилетия была практически утрачена привычка посещения музеев, театров, библиотек. Общее количество посетителей учреждений культуры уменьшилось с 11 млн. человек (1995 г.) до 6 млн. 300 тыс. человек (2009 г.) [19].

Выборочное обследование культурных потребностей российской молодежи в возрастной группе 15–29 лет, осуществленное в 2009 г., выявило, что никогда не посещают театров 46,8% опрошенных молодых людей; делают это от случая к случаю — 45,8%; совсем не посе-

щают музеев — 45,9%; никогда не были на выставках и вернисажах — 59,8% [19].

В результате деформировался процесс социализации молодого поколения, что находит отражение в воспроизводстве его физических, духовных и нравственных сил. Происходит ухудшение психического здоровья, утрачиваются нравственные критерии поведения. Среди молодого поколения усиливаются пессимистические настроения. Так за период с 2007 г. по 2009 г. индекс уверенности потребителя среди молодых людей уменьшился с 3 пунктов до -15; индекс изменения ожидаемого количества безработных — с -19 до -37; индекс изменений личного материального положения — с -1 до -19 [19].

Данные социальные ожидания увеличивают социальную напряженность, снижают уровень отзывчивости и мотивацию в улучшении результатов своего труда.

Выявленные социальные деформации неизбежно приводят к социальным коллизиям, которые находят выражение в расширении девиантного поведения среди населения, разрастании различных асоциальных групп (бомжи, алкоголики, наркоманы, преступники).

Вместе с тем предпринятые социальные проекты «Ночь музеев», «Ночь библиотек» и т.п. свидетельствуют об огромной потребности населения, в том числе и молодого, в данных учреждениях.

Итак, экономические достижения страны пока не оправдывают социальных ожиданий большинства населения, так как обеспечивают реализацию интересов лишь небольшой части общества. Основная часть населения, составляющая трудовой потенциал общества, проигрывает от проводимых социально-экономических модернизаций. В России, несмотря на экономический рост, значительная часть общества выражает недовольство социальной ситуацией в стране, что подтверждается данными Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения 1992–2006 гг., проведенного Институтом социологии РАН [9].

Все эти факты свидетельствуют о снижении жизненных шансов для развития человеческого потенциала не только у низкодоходных групп населения, но и у среднедоходных. Как верно заметили П. Бергер и Б. Бергер, «даже сегодня

остается справедливым, что факт рождения кого-то на различных уровнях стратификационной системы произвольно детерминирует шансы прожить до определенного возраста. Причины таких различий обнаружить нетрудно. Более высокая страта в обществе наслаждается гораздо лучшей пищей, обладает паттернами жизни, в большей степени благоприятствующими здоровью, и (что очень важно) имеет доступ к лучшему медицинскому обслуживанию... Люди из низших страт обществ чаще болеют, обладают меньшими возможностями для предотвращения болезни и излечения от нее и потому с большей вероятностью умирают раньше» [6, с. 176].

По продолжительности жизни Россия занимает 117-е место в мире. Сохраняется высокая смертность: с 1999 г. коэффициент смертности рос и его пик пришелся на 2003 г. (16,4), а к 2007 г. он составил 14,7, т.е. вернулся к уровню 1999 г. [23, с. 100]. В России заметна стабильная тенденция уменьшения численности населения. Только за последние 15 лет численность населения России сократилась на 5,5 млн человек (со 148,3 млн человек в 1995 г. до 142,8 млн человек по состоянию на 1 мая 2011 г.). Подобные процессы происходят и в большинстве экономически развитых стран. Так, прогнозируется, что за 2025–2030 гг. население ЕС без учета мигрантов уменьшится на миллион человек (с 469 млн до 468 млн) [12, с. 42].

Данные обстоятельства способствуют выработке новых подходов в демографической политике как важнейшему механизму сохранения и накопления социального потенциала. Процесс институционализации этой политики сопровождается дискуссией о действенности таких инструментов социальной поддержки семьи, как пособия на несовершеннолетних детей, материнские пособия, гибкие формы занятости, предоставление субсидий и ссуд на жилье, расширение услуг по уходу за детьми. В качестве основных способов решения проблемы предлагается поддержка семьи и иммиграция. Например, согласно прогнозам, в США за 2025–2030 гг. численность населения возрастет на 25,6% — главным образом за счет латиноамериканских мигрантов [12, с. 42].

Особенно показателен в области демографической политики опыт Швеции и Бельгии,

где достигнуты самые высокие уровни рождаемости среди стран Еврозоны.

Так, в Швеции стержневым компонентом демографической политики является гендерная политика, противодействующая дискриминации женщин на рынке труда, что создает условия для экономической независимости женщин, находящихся в браке. Кроме того, здесь большое внимание уделяется поддержке молодых семей за счет достаточно высокого размера стипендий студентов и механизмов льготного кредитования. Интересен опыт Бельгии, правительство которой, помимо снижения налогов, выплаты субсидий на жилье и обучение детей, в рамках демографической политики производит выплату пособия, размер которого зависит от возраста ребенка. Так, пособие на детей до 14 лет в 3 раза больше, чем пособие на детей до 4 лет. В случаях, когда ребенок учится, пособие продолжает выплачиваться до 25 лет.

Данный положительный опыт по поддержанию уровня рождаемости и проведению семейной политики следует учитывать и России.

Для ускорения преобразований в базовых сферах жизнедеятельности общества здравоохранения, образования, жилищной сферы, сельского хозяйства реализуются национальные проекты по их системной модернизации. В результате общие расходы федерального бюджета на социальную сферу увеличиваются. Тем не менее, социальные расходы расширенного правительства в России в 1,5–2,0 раза меньше, чем в странах — членах ЕС. При этом в Концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 г. предусмотрено достижение высоких показателей общественного развития. Предполагается достижение к 2020 г. следующих целевых ориентиров [13]:

1) достижение уровня доходов и качества жизни россиян уровня социальных стандартов, характерных для экономически развитых стран. Это найдет выражение в высоком уровне личной безопасности, доступности услуг здравоохранения, образования, жилищной обеспеченности, широком доступе к культурным благам;

2) увеличение валового внутреннего продукта на душу населения по паритету покупательной способности до более 30 тыс. долларов США;

3) охват высшим и средним профессиональным образованием населения 60–70% (2007 г. — около 50%);

4) средний уровень обеспеченности жильем — около 30 кв.м на человека (или около 100 кв. м на среднестатистическую семью);

5) снижение доли населения, проживающего в местах с неблагоприятной экологической обстановкой, до 14% (43% в 2007 г.);

б) снижение уровня смертности от насильственных причин в два раза;

7) снижение уровня абсолютной бедности до 6–7 %, а относительной бедности (или малообеспеченной части населения) — до 15%;

8) увеличение среднего класса до более 50% населения за счет увеличения количества занятых в экономике знаний, технологий и обеспечении развития самого человека;

9) снижение дифференциации населения по уровню доходов до 12 раз (16,8 раз в 2007 г.);

10) стопроцентный охват бедного населения государственными социальными программами.

К концу 2012 г. планируется осуществить первый этап заявленных государством мер. Однако рассмотренные деформационные тенденции социального развития вызывают сомнения относительно достижения к 2020 г., заявленных ключевых показателей. Анализ социальных проблем в России показывает, что институт социальной политики пока остается неэффективным, так как не отвечает интересам формирования среднего класса, а дифференциация общества по доходам углубляется. Требуется кардинальное изменение системы распределения доходов и снижение бедности. Однако реализация мер по борьбе с бедностью по-прежнему остается только продолжением неэффективной государственной перераспределительной политики бюджетных средств, зависящей от наполняемости бюджета, а не от запросов и ожиданий населения. При этом в целом механизм формирования бюджета «сверху» ограничивает возможности реализации социальной политики «снизу», так как бюджеты регионов и муниципальных образований крайне дефицитны. Средства, выделяемые государством в рамках национальных программ, весьма ограничены. Они должны быть лишь дополняющим механизмом к отдельным направлениям реализации социальной политики.

Для устранения деформаций социальной системы российского общества, прежде всего, следует создать условия для развития и эффективной реализации человеческого потенциала. Этим целям отвечает модернизация института социальной политики государства по следующим направлениям: система оплаты труда, налогообложение доходов, социальная защита и социальное страхование, формирование механизма диалога с гражданским обществом. Кроме того, необходима децентрализация региональной политики.

Первое направление: модернизация системы оплаты труда в целях обеспечения роста доходов работающего населения и повышения роли высококвалифицированного труда, предполагающее установление бюджетных обязательств государства в виде нормативов минимальной оплаты труда и минимальной доли расходов государственного бюджета в социальной сфере.

Проблема низкой оценки труда в России во многом связана с заниженным уровнем минимального размера оплаты труда (МРОТ). Наша страна является единственной среди европейских государств, где МРОТ ниже прожиточного минимума (ПМ). При этом согласно Трудовому кодексу РФ (ст. 133) МРОТ не может быть меньше прожиточного минимума. В 2008 г. объявлено, что данная проблема решена, так как МРОТ приравнивали к прожиточному минимуму (на тот момент к уровню IV квартала 2007 г., который составлял 4330 руб.). Но в настоящих условиях эта норма не соблюдается. Уже за I квартал 2011 г. величина прожиточного минимума в целом по стране **в среднем на душу населения составила 6473 руб., для трудоспособного населения — 6986 руб.,** а величина МРОТ — 4611 руб. (с 1 июня 2011 г.).

Кроме того, еще в 2007 г. из Трудового кодекса РФ была исключена норма, запрещающая устанавливать размер оклада на уровне ниже МРОТ. Поэтому по действующему законодательству в минимальные на сегодняшний день 4611 руб. включены и дополнительные надбавки. В результате такой политики многие работающие граждане имеют такую заработную плату, на которую с трудом можно было прожить даже в 2008 г. При этом механизм индексации МРОТ не предусмотрен. В условиях инфляции происходит массовое обеднение рабо-

тающего населения страны, что отрицательно сказывается на социальном потенциале страны.

В этих условиях на законодательном уровне требуется пересмотр методики определения размера МРОТ. Например, показателен опыт западноевропейских стран, где МРОТ привязывают к прожиточному минимуму и к величине средней заработной платы по стране. В европейских странах МРОТ составляет 50% и более от средней зарплаты. В соответствии с Европейской социальной хартией во многих странах этого региона минимальная зарплата вышла на уровень 1,5–2,5 ПМ [20, с. 24].

Учитывая рекомендации МОТ (Конвенция МОТ № 102 (1952 г.) «О минимальных нормах социальной защиты»), необходимо довести соотношение минимальной и средней заработной платы в России в соотношении не менее 50%. При этом необходимо ввести в практику общественное обсуждение и законодательное установление нормативов минимального уровня оплаты труда в бюджетной сфере. Повышению цены труда будет способствовать модернизация экономики на основе распространения новейших технологий, обеспечивающих переход на инновационный путь развития с новым качеством человеческого капитала.

Второе направление: мероприятия социальной направленности в области налогообложения доходов, предусматривающие отмену подоходного налога с минимальной заработной платы; законодательное установление нормы обязательного ежегодного соответствия стандартного налогового вычета из заработной платы на уровне не ниже минимальной заработной платы; освобождение прожиточного минимума от налогообложения; активное использование налоговых льгот.

Третье направление: модернизация института социальной защиты предполагает создание интегрированной многоуровневой системы социальной защиты (государственные органы — местные органы власти — предприятия — общественные организации), действенной на всех уровнях, с четким определением прав, ответственности и функций каждого. Принципами института социальной защиты должны стать: законодательное определение и разграничение финансовой ответственности между работником, работодателем и государством не на основе государственной благотворительности, а как

совокупности государственных гарантий, предоставляемых каждому и обеспечивающих соблюдение прав человека; организация системы социальных гарантий на основе страховых выплат вместо налоговых; соотнесение страховых тарифов с наступлением страховых случаев; налаживание действенных механизмов контроля сбора и расходования страховых средств.

Важным условием успешности реализации этого направления социальной политики выступает обновление региональной политики государства. В новой региональной политике принципами взаимодействия федеральной власти с региональным сообществом должны стать: децентрализация властных отношений, направленная на развитие самостоятельности, поддержание творческой инициативы региональных сообществ, содействие их социокультурному разнообразию.

Необходимость децентрализации подтверждают различные исследования. Так, по данным Независимого института социальной политики, в настоящее время в регионах только 20% составляют бюджетные (государственные и муниципальные) инвестиции, а остальные — частные. Поэтому государство уже не может в приказном порядке планировать специализацию экономики регионов, определять, куда вкладывать бизнесу деньги. Кроме того, «именно на местном уровне управления имеется реальная возможность отслеживать ход преобразований, оперативно оценивать результаты, вносить предложения в государственные органы об изменениях соответствующих мероприятий» [5, с. 134].

Следовательно, стратегия социального развития регионов может получить успешную реализацию в ситуации преодоления линии правительства на централизацию в проведении региональной политики. Для этого на смену сверхцентрализованному режиму с преобладанием федеральных интересов, инициатив и ресурсов должен прийти децентрализованный порядок, ориентированный на интересы регионов и основанный на инициативных их собственных действиях. Учитывая, что «источники и факторы экономического роста связаны не столько с развитием крупных корпоративных структур, сколько с местечковой креативностью, местной творческой обстановкой и инновационной деятельностью» [21, с. 65], возника-

ет необходимость более активного включения регионов в модернизацию страны. Как отмечают социологи, в каждом из регионов «население располагает значительным человеческим потенциалом, который, однако, лишь в небольшой части преобразуется в активный социальный и культурный капитал. Это сдерживает переход России к инновационному экономическому росту и современному качеству жизни населения» [14, с. 29]. Таким образом, новая региональная политика государства должна строиться на основе принципа «снизу–вверх». В то же время нужны кардинальные изменения по бюджетно-налоговой децентрализации. В региональных бюджетах должна оставаться большая доля финансовых средств, собираемых территориями, что будет активизировать действия региональных властей по выработке собственных программ развития, учитывающих местные проблемы, задействовать их потенциальные внутренние возможности на повышение уровня благосостояния населения.

Четвертое направление: нормализация механизма обмена информацией между институтами государственной власти и гражданского общества. Этой цели отвечают меры по повышению информационной открытости государственных ведомств, а также институционализация социальной экспертизы и социального контроля с наделением их широкими правами. Институт оценки социальных нововведений, учитывающий то, как их реализация скажется на межотраслевых связях, какие будет иметь социальные последствия, какова будет реакция тех или иных субъектов интересов. Для этого необходимо введение механизма анкетных опросов.

Итак, от государства требуется проведение политики в области социальной сферы адекватной общественным ожиданиям и требованиям времени, а степень решения правительством задач развития человеческого потенциала выступает для населения критерием оценки его деятельности в социальной сфере. Интересы общества требуют, чтобы государственная социальная политика осуществлялась в целях роста благосостояния народа, расширения возможностей для каждого человека реализовывать свой личностный потенциал, вести здоровую, полноценную и творческую жизнь.

Список литературы:

1. Автономов А. С., Гаврилова И.Н. Социальная политика: на чьей стороне ее новации? // Социол. исследования. 2011. №5. С.35–39.
2. Андреев А.Л. Ценностные и мировоззренческие аспекты социального неравенства // Социол. исследования. 2007. №9. С.3–17.
3. Аникин В.А. Жизненные проблемы россиян и их запросы к социальной политике // Социол. исследования. 2006. №12. С.15–26.
4. Антипов А.Г. Препятствия на пути модернизации «архаичного» российского общества // Вестн. Перм. ун-та. 2010. Вып.3. С.96–104.
5. Бельский В., Кулакова Н., Самойлова Н. Об оптимизации российского экономического пространства // Вопр. экономики. 2007. №6. С.133–141.
6. Бергер П., Бергер Б. Социология: Биографический подход // Личностно ориентированная социология. М.: Академ. Проспект, 2004. С.25–388.
7. Быченко Ю.Г., Логинова Л.В. Социальная политика как механизм развития социального потенциала российского общества // Вестн. Саратов. гос. соц.-эконом. ун-та. 2012. №1. С.180–186.
8. Галюгина А.А., Бобков В.Н. Основные показатели доходов и уровня жизни населения России в III квартале 2011 года // Уровень жизни населения регионов России. 2011. №10 (164). С.49–59.
9. Динамика социально-экономического положения населения России: по материалам «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения 1992–2006 гг.». М.: Институт социологии РАН, 2008.
10. За чертой бедности. Мировая статистика. URL: <http://statistika.ru> (дата обращения: 10.08.2012).
11. Кадомцева С. Социальная политика и ее население // Экономист. 2006. №7. С.48–58.
12. Калинин М.Ю. Инновационные подходы социальной и демографической политики: Швеция, Швейцария, Бельгия, Австрия // Международное публичное и частное право. 2010. №4. С.41–48.
13. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 г. №1662-р.
14. Лапин Н. Новые проблемы исследований региональных сообществ // Социологические исследования. 2010. №7. С.28–38.
15. Логинова Л.В. Региональная политика как механизм реализации интересов регионального общества // Правовая политика и правовая жизнь. 2012. №1. С.102–106.
16. Логинова Л.В., Фиглин Л.А. Проблемы управления региональным развитием России // Вестн. Саратов. гос. соц.-эконом. ун-та. 2012. №2. С.171–177.
17. Люблинский В. Особенности трансформации социальной политики в начале XXI в.: опыт развитых стран и проблемы России // Человек и труд. 2010. №11. С.52–67.
18. Мнения о прошлом, настоящем и будущем России: Выборочный социологический опрос населения РФ. М.: РАГС, 2007. URL: <http://www.rags.ru/?q=node/1254> (дата обращения: 10.08.2012).
19. Молодежь в России 2010. Статистический сборник. М.: Госкомстат России, 2010.
20. МРОТ фокусирует множество проблем, связанных с зарплатой // Человек и труд. 2010. №6. С.18–27.
21. Плясов А., Колесникова О. Оценка творческого потенциала российских региональных сообществ // Вопр. экономики. 2008. №9. С.50–65.
22. Самоидентификация Россиян: Выборочный социологический опрос экспертов. М.: РАГС, 2007. URL: <http://www.rags.ru/?q=node/1030> (дата обращения: 19.08.2012).
23. Сорокин Д. Воспроизводственный вектор российской экономики: 1999–2007 годы // Вопросы экономики. 2008. №4. С.94–109.
24. Статистическое обозрение. 2011. №2(77).
25. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 19.08.2012).
26. Шевяков А. Влияние социальной политики на положение отдельных групп населения // Экономист. 2008. №9. С.54–64.

SOCIAL-ECONOMIC DEFORMATION IN DEVELOPMENT RUSSIAN SOCIETY

Larisa V. Loginova

Saratov State Academy of Law; 1, Volskaya str., Saratov, 410056, Russia

In article are considered trends and contradictions of the development of the social sphere russian society, open importance and place of the social sphere in innovations development of the human potential society, are offered directions of the improvement social politicians russian state.

Key words: social sphere; average class; differentials income; stratification society; social facilities; social policy.